

Елена А. Калашникова (Петрозаводск)

К исследованию сравнительной стилистики фольклора: функционирование «славянской антитезы» и «отрицательного параллелизма» в разноэтническом фольклорном материале

✦ Ключные речи:
*поэтика эпоса,
 этнокультура,
 стилистический прием,
 психологический параллелизм,
 славянская антитеза,
 разноэтнический.*

Грамматика и особенно поэтика эпоса издавна привлекали внимание ученых. К проблеме, связанной со сравнительным анализом языковых средств фольклора, неоднократно обращался академик Веселовский.

А. Н. Веселовский, разрабатывая вопросы истории возникновенияобрази-

Компаративно проучавање изражајних средстава у делима усменог поетског стваралаштва код разних народа омогућава да се открију сличности и разлике у стилистичким ресурсима сваког националног фолклора. Током поређења прате се сличности и разлике у стилистичким поступцима на материјалу споменика епског стваралаштва. Предмет анализе постају појаве „психолошког паралелизма“, словенске антитезе и сродној јој „негативног паралелизма“ у билинама и рунској поезији.

тельно – выразительных средств фольклора, не ограничивался изучением русской эпической поэзии. Сам принцип историзма, внесенный акад. Веселовским в анализ эпического творчества, предполагал обращение к эпическим памятникам других народов. А в ходе сравнительного анализа выявлялась и прослеживалась типология

СкиА 2006

средств художественной выразительности. Интерес А. Н. Веселовского к истории зарождения и развития художественных средств фольклора вызвал появление ряда статей, вошедших в объемный труд, известный под названием «Историческая поэтика». В статьях, составляющих «Историческую поэтику», и в «Лекциях по истории эпоса» А. Н. Веселовский обращался к карело-финской эпической традиции в подтверждение своих теоретических взглядов на происхождение и историю эпоса. Ссылки на карело-финский эпос имеют место как в ходе выявления закономерностей исторического становления и развития разноязычных эпосов, так и в связи с анализом отдельных явлений и приемов фольклорного языка. Так, особое внимание уделял А. Н. Веселовский характернейшему приему эпического стиля – повторению. Исходя из хорического, а затем амебейного способа исполнения древних эпических песен, он пытается объяснить повторения: «Явление припева, анафоры, палилогии и повторений – все это объясняется из принципа древнего хоризма и амебейности, и все это является на почве народной музыки средством подчеркнуть настроение» (Веселовский 1940: 114–115). Более того, А. Н. Веселовский подмечает родство карело-финского эпического персонажа Куллерво и героя эстонского национального эпоса «Калевипоэг». Наличие некоторых общих черт между двумя эпосами позволяет привлекать материал «Калевипоэга», в котором предположительно сохранились «более древние черты», для объяснения противоречий, несоответствий в содержании «Калевалы». Этот анализ наводит ученого на мысль о возможности сравнения «Калевалы» с иноязычными эпосами, в частности, А. Н. Веселовский видит значительный науч-

ный интерес в сравнении «Калевалы» с русскими эпическими песнями: «Сравнить «Калевалу» с русскими былинами и сказками... было бы крайне интересно» (Веселовский 1975: 312). Но сравнительное изучение эпосов отдельных народов не должно ограничиваться выявлением общих мотивов, сюжетов, образов эпических произведений. Сравнительный анализ может вестись по многим направлениям, в том числе и в области стилистики: «Было бы интересно также сличить стиль «Калевалы» со стилем наших былин и малороссийских колядок» (Веселовский 1975: 309). Знаменательно, что из всех стилистических приемов «Калевалы» А. Н. Веселовский останавливается, особо подчеркивает только один – повторы: «Интересны обычные в «Калевале» повторения и эпическая ретардация (медленное, обстоятельное описание, как падает слеза или как ягода попадает в рот Марьятте и т. д.), обличающая уже позднюю пору эпоса» (Веселовский 1975: 309). Так ученый определяет функциональное назначение и стилистическую роль повторений в тексте, в изобилии которых он усматривает характерную черту финской народной поэзии.

Если следовать методологической установке А. Н. Веселовского – «... нужно действовать путем сравнительного изучения эпоса отдельных народов» (Веселовский 1975: 303), – тогда в анализе языковых явлений фольклора мы неизбежно столкнемся с проблемой стилистических универсалий.

В процессе сопоставления изобразительных средств устнопоэтических произведений разных народов прослеживается общность и различие стилистических приемов эпических памятников. Такого рода изучение устной поэзии не умаляет ее национальной самобытности, а, наобо-

рот, подчеркивает своеобразие, специфику стилистических ресурсов каждого национального фольклора. Так, сравнительный анализ параллельных синтаксических фигур русских былин с подобными конструкциями в финской рунической песне позволяет выявить традиционные варианты формы параллелизма и их распространенность в фольклоре обоих народов, а также рассмотреть варируемость формы параллелизма в зависимости от особенностей синтаксиса каждого из двух языков, национальной традиции, манеры исполнения текста сказителем.

Рассмотрим, как функционирует прием «психологического параллелизма» в былине и рунической песне. Реализация приема «психологического параллелизма» в былине особенно интересна в сопоставлении с его употреблением в иноэтническом эпическом материале. При сравнении выпукло проступает национальная самобытность приема, его фун-

кционирование в фольклоре выходит за рамки текста, перерастает в явление этнокультуры (Калашникова 1992: 38–46).

«Психологический параллелизм» был, по мысли А. Н. Веселовского, порожден первобытным сознанием. Так как карело-финский эпос признается более древним по сравнению с русским былевым эпосом, то закономерно было бы ожидать, что соотношение явлений природы и действий человека станет одним из основных в «Калевале», и мы будем констатировать распространенность двух поэтических приемов («психологического параллелизма» и «отрицательного параллелизма») в финской рунической песне. Однако данные, извлеченные из анализируемого материала (1–25 руны «Калевалы»), оказались неожиданными: «психологический параллелизм» не встретился в тексте ни разу, зато так называемая славянская антитеза (термин П. Г. Богатырева (1958, 1960) представлена одним примером:

187

«Onko se iässä pilvi,
Päivän koite koillisessa?»
Ei ollut iässä pilvi,
Päivän koite koillisessa:
Oli vanha Väinämöinen,
Laulaja iän-ikuien

[6: 85–90].

«То не облако ль с востока,
Не заря ли ранним утром?»
То не облако с востока,
Не заря то ранним утром —
Это старый Вяйнямейнен,
Вековечный песнопевец

(86).

В связи с этим упомянем опыт сопоставления разноэтнического фольклорного материала, проведенный по единой программе группой ученых во главе с В. М. Гацаком. Для анализа были взяты народные лирические песни: якутские, адыгейские, молдавские, украинские и русские (объемом по тысяче стихов в каждой серии) и проведены статистические подсчеты. По мнению авторов работы, «разностадийность изучаемых явлений

позволяет выявить отношение разных поэтических приемов к действительности, т. е. последовательность их возникновения и развития» (Алиева, Астафьева, Гацак 1977: 42). Оказалось, что в якутских текстах «психологический параллелизм» не встречается: «В якутских текстах находим, по существу, не параллелизм, а последовательность действий и перечислений, – все тот же «накопительный», описательный способ изображения» (Алиева, Астафьева,

Система 2006

Гацак 1977: 86). Этот факт заставляет авторов усомниться в древности приема «психологического параллелизма»: «На таком фоне то стадийное состояние, которое наблюдается в остальных национальных сериях, воспринимается как существенно новое качество. Именно этой сфере принадлежат типичные явления параллелизма, хорошо известные по «Исторической поэтике» А. Н. Веселовского» (Алиева, Астафьева, Гацак 1977: 86–87).

Такой результат исследований нас заинтересовал, и мы изучили оставшиеся двадцать пять рун «Калевалы» на предмет наличия «психологического параллелизма», славянской антитезы и родственного ей «отрицательного параллелизма» в тексте. Были обнаружены еще три примера славянской антитезы и «отрицательного параллелизма». Два из них по структуре и по составу образов близки к приему «отрицательного параллелизма» в былине:

«Onko tuo savu sakea
Vai onpi pimeä pilvi
Noien peltojen perillä,
Kujan uuen ulkopäässä?»
Ei ollut ume umakka
Eikäpä savu sakea:
Ne oli Untamon urohot,
Tulla suorivat sotahan
[31: 57–64].

Дым ли это за клубился,
Туча ль темная находит
На краю вон той поляны,
На конце дороги новой?
То не туча поднималась,
То не дым густой стелился:
Войско Унтамо поднялось,
Шло на Калерво с войною
(384).

Аналогичная образная параллель встречается в былине «Мамаево побоище»:

Из-за той же сторонушки восточныя
Не темная туча поднималась,
С силой Мамай соряжается
На тот же на крашен Киев-град
И хочет крашен Киев в полон взять
(174).

Второй пример находим в сорок девятой руне. Лоухи, хозяйка Похъелы, обращается ястребом и летит в кузницу

к Ильмаринену. Полет ее напоминает поднявшуюся бурю:

Aukoi seppo ikkunansa,
Katsoi, kuin tulisi tuuli:
Ei ollut tulento tuulen,
Oli harmoa havukka
[49: 325–328].

Посмотрел кузнец в окошко,
Уж не буря ль там несется:
То не буря там несется,
То слетает серый ястреб
(552).

А третий пример интересен тем, что в диалогической речи создается «много-ступенчатая» поэтическая фигура. Сорок третья руна открывается описанием того, как хозяйка Похъелы собирает народ, снаряжает корабль и отправляется в погоню за похитителями Сампо. Далее сопоставляются действия и образы в многочленной фигуре параллелизма,

построенной в форме диалога двух героев «Калевалы». Вяйнямейнен, Ильмаринен и Лемминкяйнен, завладев Сампо, стремятся как можно быстрее добраться до берегов Калевалы. Вяйнямейнен просит Лемминкяйнена посмотреть, нет ли за ними погони. Последнему сначала вдали видится только туча:

189

Selvänä etinen ilma,
Taakea takainen taivas:
Pieni on pilvi pohjosessa,
Pilven lonka luotehessa
[43: 45–48].

Впереди нас воздух ясен,
Но за нами небо мутно;
Мчится с севера к нам тучка,
Облачко идет с заката
(486).

Но Вяйнямейнен ему возражает и просит посмотреть еще раз:

Ei se pilvi ollekana,
Pilven lonka lienekänä:
Se on pursi purjehinen.
Katso toiste tarkemmasti!
[43: 51–54].

Это вовсе там не тучка
И не облако несется:
Это – лодка с парусами.
Посмотри-ка ты получше
(487).

Во второй раз Лемминкяйнenu грезит-ся остров с птицами на деревьях:

Saari kaukoa näkyvi,
Etähältä haamottavi;
Navukoita haavat täynnä,
Koivut kirjokoppeloita
[43: 57–60].

Там вдали как будто остров,
С юга будто остров в море;
Соколы там на осинах,
Глухари там на березах
(487).

Прозорливый Вяйнямейнен рассеивает его видения:

Navukoita ei ne olle
Eikä kirjokoppeloita:

Соколов там не бывало,
Глухарей там вовсе нету:

Ne on Pohjan poikasia.
Katso tarkoin kolmannesti!
[43: 63–66].

Похъелы мужи там едут,
В третий раз взгляни получше!
(487).

И только посмотрев в третий раз, Лемминкяйнен убеждается в том, что не туча и не остров были вдалеке, а Лоухи со своими «меченосцами» на военном корабле нагоняют их.

Обращают на себя внимание параллелизмы, по форме напоминающие поло-

жительно-отрицательное сопоставление. Они очень разнообразны и неожиданны по характеру сопоставляемых предметов, явлений, действий, и их (учитывая национально специфичные модификации приема) можно было бы отнести к рассматриваемому виду параллелизма:

190

Se oli korvalta korea,
Silmältä sitä parempi.
Loi silmänsä luotehelle,
Käänti päätä päivän alle:
Kaaren kaukoa nakevi,
Pilven longan loitompata.
Eipä kaari ollutkana
Eikä pieni pilven lonka:
Oli pursi kulkemassa,
Venonen vaeltamassa...
[39: 341–350].

Слух у Ахти превосходный,
А глаза того получше:
Осмотрел он север, запад,
Повернул на солнце взоры,
Видит радугу далеко,
А еще подальше – тучу.
Но не радугу он видит
И не тучу дождевую:
Это лодка проезжает,
Это челн дощатый едет...
(456).

Luulin kukkuvan kähkösen,
Lempilinnun laulelevan;
Ei käki kukahakana,
Lempilintu laulakana:
Tääll' on koirani kome' in,
Otukseni oivallisin
Otsosen tuvan ovella...

Думал я – кукушка кличет,
Птичка милая распелась, –
Это вовсе не кукушка,
Это не распелась птичка:
То шумит моя собака,
То испытанный зверек мой
У дверей избушки Отсо...

[46: 87–93].

(514).

В таких параллелизмах сохраняется привычная для славянской антитезы форма, содержащая вопрос, обозначение сравниваемого предмета через отрицание, а затем утверждение (Богатырев 1958: 331–332). Если в русском фольклоре фигура «психологического параллелизма» заключает, как правило, сопоставление картин живой и неживой природы с действиями

былинных героев, то в финской рунической песне явления природы соотнесены с предметами быта, утвари, сравниваются с домашними животными. В рунах редко обнаруживаем образные параллели, метафорические по своей сути, но отмечаем наличие большого количества дескриптивных соответствий, привлекаемых для изображения действий,

состояний, для передачи качественных характеристик предмета. На наш взгляд, это свидетельствует о «неразвитости» приема «психологического параллелизма» в рунической песне, что наводит на мысль об относительной древности самого приема (Алиева, Астафьева, Гацак 1977: 86–88). Наши наблюдения подтверждают предположение, высказанное известным

фольклористом В. М. Гацаком: «Видимо, психологический параллелизм относится к разностадиальным константам» (Гацак 1990: 27). Наряду с этим в руне широкое распространение получили такие изобразительно-выразительные средства, как эпитеты, метафоры, развернутые сравнения, символы (см., напр.: Евсеев 1960: 230–282):

191

Latoi miehet laivahansa,
Suoritti sotaurohot,
Kuni sotka poikasensa,
Tavi lapsensa latovi:
Sata miestd miekallista,
Tuhat jousella urosta
[43: 7–12].

На корабль мужей сажает,
Снаряжает их на битву,
Как птенцов выводит утка
И ведет детей в порядке:
Сели сотни меченосцев,
Тысяча державших луки
(486).

Kohenteli purjepuita,
Vaatevarpoja varasi;
Nosti puuhun purjehia,
Vaattehia varpauihin,
Kuin on pitkän pilven longan,
Pilven tönkän taivahalla.
[43: 13–18].

Утверждает мачту в лодке,
Ставит парусные стеньги;
Парус к мачте прикрепляет,
Полотно на эти стеньги
Точно облако спустилось
Иль нависла туча в небе...
(514).

Синтаксический параллелизм в руне оформляется теми же видами приемов-повторов, что и в былине: внутрифразовым, анафорическим и эпифорическим повторами, палилогией, рефренным повтором, повторениями-формулами, т. е. аналогичными оказываются многие явления поэтического синтаксиса (см., напр., Евсеев 1960: 203, 186 – 206). Если так называемый прием «ступенчатого сужения образов» (термин Б. М. Соколова) в текстах рун встречается спорадически:

Niin näki vihannan saaren.
Saarell on komea koivu,
Koivun alla paasi paksu,
Alla paaen kallioinen,

Yheksin ovia eessä,
Saoin salpoja ovilla
[49: 239–244].

Lauloi pihlajat pihoille,
Tammets keskitanhu ille,
Tammelle tasaiset oksat,
Joka oksallen omenan,
Omenalle kultapyörän,
Kultapyörälle käkösen...
[29: 153–158],

то такие стилистические фигуры речи, как палилогия:

«Onko liinan kylväjätä,
Kylväjätä, kyntäjätä»
[48: 9–10].

 2006

...Ensin poltti paljo maita,
Paljo maita, paljo soita
[47: 225–226].

«...Vielä mä tuohon mutkan muistan,
Mutkan muistan, keinon keksin»
[43 :307–308].

(В руне она имеет национально специфичную форму. В создании поэтической фигуры участвуют две строки, причем повторяющийся словесный элемент занимает полустиишие первой и второй строк и обязательно по звучанию, по ритму и синтаксически соотносится со стоящей рядом группой стихов:

«Millä nyt maksan naisen naurun,
Naisen naurun, piian pilkan...»
[33: 99–100].

Tao rautainen harava,
Haravahan piit tiheät,
Piit tiheät, varsi pitkä
[44: 18–20].

Ruoposteli ruo on ruutut,
Ruo on ruutut, kaislan kaitut
[44: 61–62].

При переводе эта фигура оказывается утраченной),
анафора:

...Oman maani mansikoita,
Oman vaaran vaapukoita,
Oman niemen neitosia,
Oman kartanon kanoja
[29: 373–376].

...Oven suussa seisomasta,
Oven suussa, orren alla...
[27: 37–38].

(см. еще примеры: 43: 141–142; 47: 47–50; 48: 329–332; 27: 269–270).

Itki nuoret, itki vanhat,
Itki miehet naimattomat,
Itki nainehet urohot,
Itki pojat puol -ikäiset...
[41: 177–180],

эпифора:

...Ve etähän pitkin vettä...
Pohetahan poiken vettä
[48: 77–78],

рефренный повтор (см., например, руну 28: 197–198; 205–206; 215–216; 221–222; 229–230) получили широкое распространение. Среди них более всего употребительна анафора. В тексте многократно встречается сочетание приемов-повторов в разных комбинациях: анафоры с эпифорой, подхвата с эпифорой и т. д. (см., например: 27: 405–410; 50: 110–114, 115–122). Наконец, многие строки в руне (как и в былине) «отливаются» в поэтические формулы. Однако в тексте рун находим оригинальные поэтические приемы, придающие эпосу неотразимый национальный колорит. Так, в рунической песне встречаем сравнение, оформленное по принципу, перефразируя известный термин Б. М. Соколова, «ступенчатого расширения образов».

Tippui tilkat silmistänsä,
Vierivät vesipisarat,
Karkeammat karpaloita,
Herkeämmät hernehiä,
Pyöreämmät pyyn munia,
Päreämmät päitä pääskyn
[41: 187–192].

Слезы главного героя Вьяйнямейнена оказываются фантастически крупными. По размеру они сравниваются с «лесной ягодой, горошиной, птичьим яйцом и, наконец, с головой касатки» (470).

Славянская антитеза или метафорическая антитеза (по терминологии В.М. Гацака (см., Гацак 1973: 290) широко распространена в эпических песнях южных славян (Богатырев 1958: 331–332). В былинах славянская антитеза отсутствует, вместо нее употребляется сходный прием – «отрицательный параллелизм». Однако, как показало исследование В.М. Гацака, славянская антитеза встречается в фольклоре не только славянских народов (в болгарских юнацких песнях, в сербохорватском эпосе, в украинских исторических балладах). Метафорическую антитезу можно обнаружить в греческих песнях, в албанских эпических песнях, в восточнороманском героическом эпосе,

в адыгейских песнях, в армянском и чеченском героических сказаниях (Гацак 1973: 290–299). К этому перечню можно добавить карело-финские эпические песни. Примеры славянской антитезы в рунических песнях единичны, но показательны. Они доказывают универсальность приема, его распространенность в эпических текстах неславянских народов. Проведенный сравнительный анализ подтверждает плодотворность сопоставительного изучения поэтики: «Пример с метафорической антитезой убеждает в перспективности сопоставительного изучения разноэтапных памятников славянских и неславянских народов для исторического освещения поэтики эпоса, при котором каждое из последовательных эстетических состояний предстает в своей непреходящей ценности» (Гацак 1973: 306).

summary

Σ **To the research of the comparative stylistics of folklore: functioning of “Slavic antithesis” and “Negative parallelism” in the folklore literature of different nations.**

The comparative study of eposes of the separate nations should not be limited to revealing of general motifs, plots, images of epic works. Comparative analysis may be conducted in many directions, including the ones in the stylistics field.

In the process of comparison of arts of oral poetic works of different nations we can recognize the community and difference of stylistic devices of epic monuments. Such a study of oral poetry does not belittle its national originality but, on the contrary, it highlights the uniqueness, specific character of stylistic resources of each national folklore. Thus, the comparative analysis of parallel syntactical figures of the Russian folk tales with similar constructions in the Finnish runes allows revealing traditional variants of parallelism type and their occurrence in the folklore of both nations. It also allows examining the variability of the parallelism form depending on syntax features of both languages, national tradition, narrative manner of the tale teller.

The subject of the analysis is the events of “psychological parallelism”, Slavic antithesis and “negative parallelism”, that is quite akin to her, in the folk tales and runes.

The use of the device of “psychological parallelism” in the folk tales is especially interesting in the comparison with its use in epic works of different nations. During the comparison we can distinctly notice the national originality of the device. Its functioning in the folklore steps over the bounds of the text and turns into the event of ethnic culture. We seldom discover figurative parallels, metaphorical by its nature in runes, but we notice the presence of a great amount of descriptive correspondences used for depiction of actions, conditions, for conveying of quality characteristics of the subject. In our opinion it is the evidence of “underdevelopment” of the device of “psychological parallelism” in runes, that suggests the relative antiquity of this very device.

Slavic antithesis is absent in folk tales, instead of it we use the similar device – “negative parallelism”. Examples of Slavic antithesis in runes are isolated, but demonstrative. They prove the universality of the device, its occurrence in epic texts of Non-Slavic nations.

The performed comparative analysis proves the effectiveness of the study of folklore poetics and stylistics.

194

Литература

- Богатырев 1958: **Богатырев, Петр Григорьевич**. Некоторые очередные вопросы сравнительного изучения эпоса славян // Основные проблемы эпоса восточных славян.- Москва. – С. 326–334.
- Богатырев 1960: **Богатырев, Петр Григорьевич**. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. – Москва. – С. 211–251.
- Веселовский 1940: **Веселовский, Александр Николаевич**. Историческая поэтика. – Ленинград. – С. 114–117.
- Веселовский 1975: **Веселовский, Александр Николаевич**. Лекции по истории эпоса. – Типология народного эпоса. – Москва. – С. 307–312.
- Гацак 1973: **Гацак, Виктор Михайлович**. Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август, 1973. Доклады советской делегации. – Москва. – С. 286–306.
- Гацак 1977: **Гацак, Виктор Михайлович**. Опыт системно-аналитического исследования исторической поэтики народных песен // Фольклор: Поэтическая система. – М., 1977. – С. 42–105.
- Гацак 1990: **Гацак, Виктор Михайлович**. Художественные константы в поэтических традициях народов // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. – Сыктывкар. – С. 26–27.
- Евсеев 1960: **Евсеев, Виктор Яковлевич**. Исторические основы карело-финского эпоса. кн. 2. – Москва – Ленинград. – С. 230–282.
- Калашникова 1992: **Калашникова, Елена Александровна**. Функционирование приема «психологического параллелизма» в былинах // Язык русского фольклора. – Петрозаводск. – С. 38–46.
- Калевала: Карел.-фин. Нар. Эпос / Собр. и обраб. Э. Леннрот; пер. Л. П. Бельского. – Москва. – 573 с.
- Kalevala. Karjalais-suomalainen kansaneepos / Koonnut ja laatinut E. Lonnot. – Petroskoi: Karjala, 1981.